

УДК 94(571.1)

ФОРМИРОВАНИЕ ВООРУЖЕННЫХ СИЛ НА ИРТЫШСКОЙ ПОГРАНИЧНОЙ ЛИНИИ В СЕРЕДИНЕ 1740-Х ГГ.

Аркадий В. Контев^{1, @}

¹ Алтайский государственный педагогический университет, Россия, 656031, г. Барнаул, ул. Молодежная, 55
@ arkkont@mail.ru

Поступила в редакцию 14.06.2016.
Принята к печати 12.09.2016.

Ключевые слова: крепости, Джунгария, Иртышская пограничная линия, картография, вооруженные силы.

Аннотация: В статье рассматривается вопрос формирования оборонительных сооружений на Иртышской пограничной линии и введения в Сибирь регулярных армейских частей. Детально прослежено передвижение военных подразделений в регион и их передислокация на юге Западной Сибири. Данный процесс представлен в контексте действий российской администрации по созданию в Сибири единой линии укреплений. Эти события во многом были связаны с осложнением геополитической обстановки на российско-джунгарской границе в связи с развитием горно-металлургического производства на Алтае. Изучен вклад в формирование пограничных укреплений Западной Сибири оренбургского губернатора И. И. Неплюева, сибирского губернатора А. Сухарева и первого командира Сибирского корпуса генерала Х. Киндермана. На основе изучения материалов центральных и местных архивов автор освещает вопросы картографирования проектируемых и реально созданных укреплений Иртышской линии, приводит численность вооружений в форпостах и крепостях в середине 1740-х годов.

Для цитирования: Контев А. В. Формирование вооруженных сил на Иртышской пограничной линии в середине 1740-х годов // Вестник Кемеровского государственного университета. 2016. № 4. С. 51 – 56. DOI: 10.21603/2078-8975-2016-4-51-56.

Инициатива переустройства и укрепления южных границ Западной Сибири принадлежала Ивану Ивановичу Неплюеву (1693 – 1773), назначенному в 1742 г. руководителем Оренбургской экспедиции. В именных указах императрицы Елизаветы Петровны при назначении ему поручалось «крайнее и радетьельное тщание прилагать» к обустройству границ «с московской сибирской сторон» [27, с. 462].

17 марта 1743 г. в уральском городе Шадринск состоялась встреча тайного советника Ивана Неплюева и сибирского губернатора генерал-майора Алексея Сухарева. Руководители двух соседних регионов обсудили вопросы охраны южных границ Западной Сибири от Урала до Алтая. Было признано необходимым создание новой линии укреплений от Тобола до Иртыша, которая должна была выйти к Чернолуцкой слободе, прикрыв с юго-запада Тарский уезд. «От Чернолуцкой слободы, куды придет от Тоболу линия, – говорилось далее в итоговом документе, – вверх по Иртышу, до Семиполатной крепости, прибавить между настоящих другие крепости и редуты, чтоб формальную линию содержать». От Семиполатной крепости предполагалось «вести линию чрез Демидова Колывана-Воскресенские заводы... до помянутого Теляуцкого озера... строя крепости и редуты» [9, с. 162]. Копия общего мнения за подписями И. Неплюева и А. Сухарева была послана в Сенат для принятия государственного решения.

29 июля 1743 г. сенаторы заслушали документ и решили, «чтоб для такого велико важнаго начинания в строении оных линий и на них крепостей все те дистан-

ции акуратно осмотрены и описаны были» [19, л. 14 об.; 25, с. 621]. Для этого рекомендовалось отправить из Санкт-Петербурга опытного инженера в ранге штаб-офицера с помощниками. Поскольку речь шла о пограничных делах, сенаторы решили отправить все материалы и «присланную ланкарту» Сибири в Коллегию иностранных дел для экспертной оценки, с требованием прислать мнение в Сенат.

Спустя три месяца, 28 октября, Коллегия иностранных дел представила своё заключение, в котором указывала, что строительство новых линий «весьма нужно», но может привести к военной конфронтации с Ойратским («Зенгорским») государством. Поэтому «для закрытия той линии», по мнению Иностранной коллегии, необходимо «иметь тамо знатный корпус войска», поскольку «без знатного числа российского войска оное дело производить небезопасно» [19, л. 37]. Этот документ не обсуждался в Сенате до тех пор, пока 14 мая 1744 г. из Коллегии иностранных дел не поступило новое доношение, в котором объявлялось, что «зенгорский владелец Галдан Чирин... на тамошние места и народы чинит претензии, а именно: все места по реке Иртышу с вершины оной по устью реки Черной Оми, а под городом Кузнецким по речку Уень (которая впадает в Обь реку)». Через 4 дня, 18 мая, в Сенате вновь заслушали вопрос о проведении сибирских линий. Было решено собрать сведения обо всех имеющихся в Сибири крепостях и вооружённых силах, после чего вернуться к рассмотрению вопроса [19, л. 48; 26, с. 69].

Неизвестно, как долго продолжалась бы бюрократическая переписка между столичными ведомствами, если бы летом из Сибири не стали поступать тревожные сведения о намерениях ойратов напасть на российские приграничные укрепления по Верхнему Иртышу и Верхней Оби. 7 июня 1744 г. из Кузнецка сообщили приказчикам Кольвано-Воскресенского завода Акинфия Демидова, что ойратский правитель Галдан-Цэрэн собирает войско и «в нынешнем месяце не будет мешкать ни одного дни, пойдет войною на серебряной и Кольванской завод». Причиной обострения российско-ойратских противоречий стало строительство демидовскими людьми крепости около Чагирского рудника на Алтае, где начали добывать серебросодержащую руду [23, л. 4 – 4 об.; 24, л. 2 – 3].

10 июля оренбургский губернатор Иван Неплюев уведомил Сенат и Коллегию иностранных дел о том, что им получено известие «о собрании зюнгорских войск 30 тысяч или для нападения киргиз-кайсаков [казахов] или для наступления под новопостроенные в Сибири российские крепости». Сенат отреагировал на такое известие традиционно, предписав сибирским и оренбургским властям «иметь накрепчайшую и твердую предосторожность» [26, с. 152, 156].

Тем временем, 4 августа 1744 г. из Ямышевской крепостной канцелярии в Тобольск было послано доношение командующего Иртышской линией полковника Новоучреждённого драгунского полка Тимофея Зарина о невозможности противостоять неприятелю в случае возникновения военного конфликта с ойратами [2, л. 21]. По словам полковника, к нему поступило известие, что Галдан-Цэрэн принял решение «осенним временем, как лед на Иртыше станет», напасть на российские пограничные гарнизоны. Прибывшие в Усть-Каменогорскую крепость джунгары причину нового обострения российско-ойратских отношений объясняли следующим образом: «Завелся вновь на нашей земле на Чарыше завод, и от того де подымается ссора» [18, л. 3]. Зарин всерьёз отнёсся к угрозе возможной войны и представил в Сибирскую губернскую канцелярию подробные сведения о числе и размещении войск, находящихся под его командованием.

В Ямышевской крепости числилось по списку 403 человека. Из них две команды по 50 человек были отправлены в Коряковский и Чернорецкий форпосты, расположенные ниже по Иртышу. Ещё 60 человек находились на сенокосе, 20 пасли казённых лошадей, 50 казаков были заняты в ежедневном патрулировании вдоль Иртыша, а 62 человека «при крепости в разных караулах». За вычетом нескольких больных, свободными оставалось всего 102 человека.

В Семипалатной крепости числилось по списку 304 солдата и казака. Из них две команды по 50 человек находились в Семиярском станце и в «новопостроенной на Убе реке заставе», ещё 50 человек были на сенокосе, 51 – «при крепости в караулах» и две конные команды по 25 человек патрулировали границу вдоль Иртыша. Свободными оставалось только 53 человека. В Усть-Каменогорской крепости по списку значился 141 человек.

Зарин определённо предупреждал тобольские власти: «А ежели будет нападение неприятельское, то никоими меры за оным малолюдством будет дать отпор и сикурсу [подкрепления. – Авт.]». Полковник требовал, «чтоб благоволено было в здешнюю Ямышевскую крепость и

в протчие в верхиртышские крепости ж прислать конницы со удовольствием... бес которых, воистинну, за малолюдством пробывать невозможно» [18, л. 4 – 5].

С численностью гарнизонов Иртышской линии, названной полковником Зариным, полностью согласуются сведения, выписанные в XIX в. Г. Н. Потаниным из архивного документа от 25 августа 1744 г. В то время в Омской крепости служило 267 человек и стояло на вооружении 20 пушек; в Железенской – 72 человека и 6 пушек; Ямышевской – 303 человека и 12 пушек; Семипалатной – 204 человека и 8 пушек; Усть-Каменогорской – 141 человек и 9 пушек. Между этими крепостями располагались форпосты: Ачаирский (54 человека), Черлаковский (55 человек), Осморыжский (52 человека), Чернорецкий (59 человек), Коряковский (48 человек), Семиярский (51 человек), и «новопостроенный на реке Убе» (50 человек). Во всех этих форпостах артиллерии не было [11, с. 18].

Как видно из документа, гарнизоны Ямышевской и Семипалатной крепостей уменьшены на 100 человек по сравнению с ведомостью Зарина, поскольку эти люди учтены в составе войск Коряковского, Чернорецкого, Семиярского форпостов и Убинской заставы. Гарнизоны Осморыжского, Черлаковского и Ачаирского форпостов, вероятно, комплектовались из числа солдат и казаков Железенской и Омской крепостей.

Сведения «о намерении зенгорского войска идти под российския жила и крепости» поступили в Сенат из Тобольска 30 августа. 11 сентября 1744 г. на совместном заседании Сената и членов Иностранной коллегии было определено, что в случае строительства новой линии туда необходимо послать «корпус регулярных войск до десяти тысяч» [26, с. 175 – 176]. Предполагалось послать в Сибирь три драгунских полка, находящихся в распоряжении оренбургского губернатора И. Неплюева, и два пехотных полка, выведенных из Персии в середине 1730-х гг. [10, с. 95, 99]. Одновременно Сенат решил обратиться к императрице с предложением набрать из числа сибирских рекрутов два гарнизонных пехотных полка, которые вместе с выведенными из Персии, «содержать всегда по зенгорской границе». Состояние дел на сибирской русско-ойратской границе Сенат оценил настолько неудовлетворительно, что предложил Елизавете Петровне сменить сибирского губернатора, определив генерал-майора Сухарева «к другим делам». Руководителем будущего сибирского корпуса Сенат рекомендовал назначить селенгинского коменданта бригадира Варфоломея Якоби, повысив его в чине до генерал-майора [26, с. 183].

Конкретные меры по укреплению западносибирской границы были изложены в определении Сената, составленном 18 сентября и посланном на утверждение императрице [20, л. 270]. В нём предлагалось немедленно перевести в Сибирь три драгунских полка – Олонекский, Луцкий и Вологодский, которые разместить в форпостах по рекам Тоболу и Ишиму, а также в Тобольске. Кроме того, в Сибирь планировалось отправить тысячу яицких казаков. Освобождающиеся по мере прибытия новых частей сибирские гарнизонные полки (драгунские Сибирский и Новоучреждённый, пехотные Тобольский и Енисейский) и Новоучреждённый пехотный батальон предписывалось передвинуть в верхиртышские крепости [1, с. 99 – 100].

24 сентября Елизавета Петровна собственноручно утвердила определение Сената, а кроме того подписала особый указ об отправке в Сибирь двух пехотных полков из числа ранее выведенных из Персии. Определить конкретные подразделения должна была Военная коллегия [14, с. 198]. В указе коллегии от 4 октября 1744 г. уже содержались конкретные распоряжения: «Из выведенных из Персии пехотным двум полкам, то есть Нашебургскому и Ширванскому, которые до того обретались в крепости Святыя Анны, а потом выведены в Острогожск, следовать в Сибирскую губернию в крайней скорости» [20, л. 270 об. – 271]. Эти полки ранее находились в составе Украинского корпуса [15, с. 389 – 390].

Вместо Олонецкого, Луцкого и Вологодского драгунских полков, взятых из Оренбургской губернии, решением Сената туда полагалось срочно передислоцировать три других полевых драгунских полка. Военная коллегия решила направить к Неплюеву «из Алатурской правинции три ж полка, то есть Ревельской, Троицкой и Московской» [20, л. 271]. Причём Ивану Неплюеву предписывалось в случае необходимости немедленно послать и этих конников на сибирские линии «не требуя о том от Военной коллегии указа» [20, л. 270 – 270 об.; 26, с. 197 – 198].

Командиром создаваемого в Сибири армейского корпуса из пяти отправленных за Урал полевых полков императрица назначила генерал-майора Христиана Киндермана, до этого служившего в Олонецком уезде [25, с. 70, 155]. Ему же должны были подчиняться сибирские гарнизонные войска [26, с. 197 – 199]. 22 ноября Киндерман выехал из Москвы в Сибирь [7].

Согласно плану, утверждённому в Петербурге, Сибирский и Новоучреждённый драгунские полки под командованием своих командиров полковника Якова Степановича Павлуцкого и полковника Тимофея Зарина должны были следовать в Ямышевскую крепость (заместителем Зарина был подполковник Яков Карпович Деграве [4, л. 266]). Другие верхиртышские крепости планировалось усилить тремя ротами из состава Тобольского и Енисейского пехотных полков, располагавшихся в ишимских форпостах, и пятью ротами из тобольского гарнизона (включая большую часть Новоучреждённого пехотного батальона). Весь этот контингент был отдан в распоряжение командира Сибирского драгунского полка Я. С. Павлуцкого [6, с. 45].

В октябре 1744 г. полковнику Павлуцкому было приказано со своими войсками «выступить в марш и следовать прямо на Коркину слободу и даже до Ямышевской крепости». Когда в декабре войска прибыли в Тару, Павлуцкий получил известие из губернской канцелярии о том, что угрозы нападения на иртышские крепости пока нет. Поскольку в крепостях имелся недостаток корма для лошадей, полковнику предписывалось оставить драгун на зиму в Тарском уезде, в том числе в Таре и в Омской крепости. Самому Павлуцкому вместе с пехотным батальоном в сопровождении 270 казаков («служилых русских и татар») полагалось следовать в Ямышевскую крепость и сменить полковника Тимофея Зарина на посту командира верхиртышских крепостей [11, с. 7 – 8; 26, с. 255 – 256, 298].

Одновременно началась передислокация драгунских полков из Оренбургской губернии в Сибирь. 9 ноября Неплюев доносил Сенату, что он приказал командиру

Олонецкого драгунского полка полковнику Ивану Крафту [8, с. 221], «чтоб он с Олонецким, Луцким и Вологодским полками следовал в Кунгур, а отголь в Екатеринбургское ведомство, откуда уже иметь вступать в Тюменский уезд, в ведомство Сибирской губернии». Яицкие казаки выступили 20 октября, в начале ноября достигли Оренбурга и сразу отправились в Сибирь [26, с. 263]. Из числа бывших персидских полков в Сибирь было решено отправить Ширванский и Нашебургский (бывший Ленкоранский) пехотные полки, которые дислоцировались в западных губерниях России [10, с. 95, 99; 26, с. 389].

11 января 1745 г., получив из Сибирской губернии известие об отсутствии опасности нападения со стороны Галдан-Цэрэна, Сенат приказал Киндерману остановить движение армейских полков в Сибирь «дабы в нынешнее зимнее время люди и лошади не понесли крайней нужды» [26, с. 299]. Когда этот указ поступил в Тобольск, три конных армейских полка уже прибыли в Сибирь и были расквартированы: Вологодский полк расположился в Тюменском, Луцкий – в Туринском, Олонецкий – в Краснослободском уездах. Два пехотных полка тоже дошли до Сибирской губернии «и для близости Ширванский полк остановлен для отдыха в Екатеринбурге, а Нашебургский в Тюмени» [26, с. 376]. Согласно расписанию Киндермана, Ширванский полк предполагалось расположить в Тобольске, а Нашебургский – «в Тобольском подгородном дистрикте». Яицкие казаки зимовали в Ялуторовском уезде [11, с. 33; 17, с. 46 – 48].

В начале весны 1745 г. генерал-майор Киндерман выехал из Тобольска в верхиртышские крепости. 14 марта он прибыл в Тару. На следующий день генерал приказал оставленным там зимовать Сибирскому и Новоучреждённому драгунским полкам готовиться к маршу «в Ямышеву и в Семиполатную крепость в команду полковника Павлуцкого». Полки выступили из Тары только 14 мая [26, с. 406, 501]. Тогда же Киндерман отправил Якову Павлуцкому своё мнение об усилении Иртышской линии, в котором предлагал «за дальним расстоянием между крепостями по реке Иртышу и за малоимеющими форпостами, ... между крепостями по 2 главных форпоста сделать, и к тому еще на обе стороны по 2 малых заставы сделать же» [11, с. 37].

3 апреля из Тары Киндерман послал свой проект в Сенат. «Намерен он в прибавку между крепостями форпосты учредить таким образом, чтоб в 60 верстах один большой форпост, а между оными в 20 верстах малые форпосты распределить», – пояснялось в документе [26, с. 581].

8 июля из Омской крепости Киндерман рапортовал в Сенат, что посланный ранее вверх по Иртышу инженер-прапорщик И. Долбилов представил ему описание мест, лежащих между Омской и Усть-Каменогорской крепостями (имя Долбилова нам неизвестно, инициал приводит А. Ю. Огурцов [13, с. 55]). Долбилов предложил на этом отрезке границы построить 16 редутов или форпостов и 27 маяков. Сенат, рассмотрев 15 ноября 1745 г. рапорт Киндермана, приказал «назначенным по описи инженера-прапорщика Долбилова между Иртышскими крепостями вновь строением форпостов и маяков... обождать». Генералу приказывалось отправить вверх по Иртышу геодезистов для подробного описания реки, её берегов и островов, «и оное все положить на карту», которую прислать в Сенат [26, с. 583].

Не дожидаясь резолюции Сената, Киндерман летом 1745 г. сам обследовал верхиртышские крепости и берега Иртыша, а находящийся с ним инженер-прапорщик Долбилов занимался съёмками течения реки от Омской до Усть-Каменогорской крепости, куда Киндерман прибыл 9 сентября 1745 года [19, л. 597 – 602; 20, л. 59; 26, с. 658]. Результаты личной поездки Киндермана по Иртышу отразились в списке, составленном, по всей видимости, осенью 1745 г.

В Российском государственном военно-историческом архиве хранится «Карта реки Иртыша от Омской до Устькаменогорской крепости. Сочинена 1745 года». Автор чертежа не указан. В нижнем правом углу помещён автограф «Инженер подпоручик Андрей Селиверстов», на обороте листа запись: «По реэстру генеральному № 24. Прислана при доношении от генерала мазора Киндермана с сержантом Соколовым 17 мая 746 году» [22]. Очевидно, чертёж был выполнен Андреем Селиверстовым в начале 1746 г. Это могла быть или копия карты Долбилова, или самостоятельная карта Селиверстова на основании съёмки 1745 г.

В Российском государственном архиве древних актов удалось выявить подлинный «Реэстр посланным в Высокоправительствующий Сенат ланткарте реки Иртышу и по ней крепостям и редутам», подписанный тем же инженером-подпоручиком Андреем Селиверстовым. В перечне названы: карта, типовые проектные планы большого и малого редуты и маяка, «Опись назначенным на карте реки Иртыша крепостям», смета, мнение и две ведомости [19, л. 619]. Сопоставление описи с картой из РГВИА позволяет считать их единым комплексом документов.

На карте подробно показано русло Иртыша от Омской крепости до Усть-Каменогорской. Вдоль правого берега реки отмечены существующие и проектируемые объекты Иртышской пограничной линии. Для обозначения разного вида сооружений использовано четыре знака: крепости нарисованы квадратами с бастионными выступами по углам, большие редуты на месте форпостов – большими квадратами, малые редуты на месте учреждаемых станцев – малыми квадратами, маяки – треугольниками в виде вышки. Все они соединены линейной дорогой.

В отличие от реэстра Киндермана, составленного осенью 1745 г., в проекте начала 1746 г., присланном в Сенат, маяки предполагалось построить не только на середине пути между укреплениями, но и при каждой крепости, форпосте, станце. Рядом, как и у других укреплений по всей линии, был назначен маяк. В то время маяк, вероятно, представлял собой вышку для обзора и подачи

сигнала. При опасности караульный поджигал хворост, лежавший наверху вышки. Маяки ставились возле каждой крепости и редута, а также на полпути между ними. В последнем случае рядом с вышкой возводили казарму для размещения воинской команды, охраняющей границу. Такие казармы укреплялись палисадом, надолбами, рогатками. Образовавшийся укреплённый пункт, как и вышка с хворостом, называли маяком [12, с. 50, прим. 2].

К началу июля 1745 г. масштабная военная передислокация близилась к завершению. 8 июля Киндерман рапортовал в Сенат, «что Олонецкий, Вологодский драгунские, Ширванский пехотный полки и яицкая казачья команда из Ишимского дистрикта в Омск благополучно прибыли». Далее войска должны были «следовать к Железенской крепости, где удобное и способное место имеется» [26, с. 536].

О составе войскового корпуса, разместившегося летним лагерем около Железенской крепости, можно получить представление из рапорта коменданта крепости, полковника Ширванского полка Хосе де Гарриги [5] от 23 августа 1745 г., сохранившегося в бумагах комиссии А. В. Беэра [3, л. 300]. Согласно этому документу, в лагере при Железенской крепости находились представители всех переведённых в Сибирь частей: пяти армейских полков и яицких казаков. Вологодский, Олонецкий и Ширванский полки, видимо, стояли в полном составе, а от Луцкого и Нашебургского в Железенском лагере имелось по роте. Функции комендантов иртышских крепостей в этот период выполняли штаб-офицеры, возглавлявшие один из расквартированных там полков [16, с. 150]. Как свидетельствуют документы, в конце лета 1745 г. такими начальниками были: в Семипалатной – подполковник Михаил Окунков, в Ямышевской – полковник Сибирского драгунского полка Яков Павлуцкий, в Железенской – полковник Ширванского пехотного полка Хосе де Гаррига [3, л. 289–292, 301–303]. Венным начальником Омской крепости, по всей видимости, в это время был премьер-майор Иван Нелобов, а представителем Тарской уездной канцелярии приказчик Козьма Кулишкин [3, л. 303–304; 26, с. 65]. Генерал-майор Х. Киндерман, вернувшись из поездки по Иртышу, расположился в Таре, а затем уехал в Тобольск, где проживал «даже по смерть свою» в 1752 г. [21, л. 57]

Никаких серьезных столкновений на южных рубежах Западной Сибири после введения армейских войск на Иртышскую линию не произошло. Тем не менее, построенные в 1740-е гг. форпосты и редуты сформировали оборонительную линию, позволив начать заселение приграничной полосы российским крестьянством.

Литература

1. Андриевич В. К. Исторический очерк Сибири по данным, представляемым Полным собранием законов. Т. 3: Елизаветинский период 1742 – 1762 года / сост. В. К. Андриевич. Томск, 1887. 352 с.
2. Архив Санкт-Петербургского Института истории РАН. Кол. 115. Оп. 1. Д. 1136.
3. Государственный архив Алтайского края (ГААК). Ф. 1. Оп. 1. Д. 10.
4. ГААК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 12.
5. Дмитриев А. В. Иностранцы офицеры на службе в полевых и гарнизонных войсках на территории Сибири (середина XVIII в.) // Путь в Сибирь / Тюменский научный центр СО РАН. Тюмень, 2009. Режим доступа: <http://library.ikz.ru/georg-steller/aus-sibirien-2013-2009/dmitriev-a.-v.-inostrannye-oficery-na-sluzhbe-v> (дата обращения: 29.01.2016).
6. Дмитриев А. В. К вопросу о причинах и обстоятельствах переброски на российские границы в Западной Сибири армейских частей в середине XVIII в. (1744 – 1745 гг.) // Социально-экономические и этнокультурные процессы в Верхнем Прииртышье в XVII – XX веках: сб. материалов междунар. науч. конф. Новосибирск, 2011.

7. Дмитриев А. В. Регулярные полки русской армии в Сибири по второй четверти XVIII века: дислокация, комплектование и личный состав // Военно-исторический журнал. 2012. № 6. Режим доступа: <http://history.milportal.ru/2012/07/regulyarnye-polki-v-sibiri> (дата обращения: 29.01.2016).
8. Дмитриев А. В. Драгунские полки русской армии на службе в Сибири в середине XVIII века (1740-е годы) // Исторический ежегодник. 2009: сб. науч. тр. Новосибирск, 2009. С. 216 – 229.
9. История Казахстана и России в документах: Прииртышье и Приобье в XVIII — начале XX в.: сб. док. / под ред. Т. К. Щегловой, А. В. Контева, Г. Е. Отеповой. Барнаул; Павлодар, 2013.
10. Курукин И. В. Персидский поход Петра Великого. Низовой корпус на берегах Каспия (1722–1735). Москва, 2010. 384, [16] с.
11. Материалы для истории Сибири / сост. Г. Н. Потанин // Чтения в императорском Обществе истории и древностей российских при Московском университете. Москва, 1866. Кн. 4: Октябрь – декабрь. Раздел II: Материалы отечественные.
12. Недбай Ю. Г. История казачества Западной Сибири 1582–1808 гг.: краткие очерки. Ч. 4. Омск, 1996. 163 с.
13. Огурцов А. Ю. На Кузнецкой линии // Кузнецкая старина. Новокузнецк, 2007. Вып. 9.
14. Опись высочайшим указам и повелениям, хранящимся в Санкт-Петербургском сенатском архиве, за XVIII век. Т. 3: 1740–1762 / сост. П. Баранов. СПб., 1878. XXXI, 513, [4] с.
15. Полное собрание законов Российской империи. 1-е собрание. СПб., 1830. Т. 12: 1744 – 1748. 960 с.
16. Полное собрание законов Российской империи. 1-е собрание. СПб., 1830. Т. 17: 1765 – 1766. 1135 с.
17. Пространство Северного Казахстана и Сибири в исторической ретроспективе XVIII в. (по документальным публикациям Г. Н. Потанина). Томск, 2013. Режим доступа: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/-M.Asien/XVIII/1740-1760/Potantin_G_N/index.htm (дата обращения: 29.01.2016).
18. Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 24. Оп. 1. Д. 29.
19. РГАДА. Ф. 248. Оп. 113. Д. 1584.
20. РГАДА. Ф. 248. Оп. 113. Д. 1607.
21. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 20. Оп. 1/47. Д. 479.
22. РГВИА. Ф. 420. Оп. 1. Д. 4.
23. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 468. Оп. 18. Д. 8.
24. РГИА. Ф. 468. Оп. 18. Д. 14.
25. Сенатский архив. Т. 5. СПб., 1892. [1], 681, 48 с.
26. Сенатский архив. Т. 6. СПб., 1893. [1], 802, 38 с.
27. Сенатский архив. Т. 8. СПб., 1897. [1], 746, 32 с.

FORMATION OF MILITARY FORCES ON THE IRTYSH BOUNDARY LINE IN THE MIDDLE 1740s

Arkadiy V. Kontev¹,[@]

¹ Altai State Pedagogical University, 55, Molodejnaja street, Barnaul, Russia, 656031

[@] arkkont@mail.ru

Received 14.06.2016.

Accepted 12.09.2016.

Keywords: Fortress, Dzungaria, Irtysh boundary line, cartography, armed forces.

Abstract: The article discusses the formation of the Fortress on the Irtysh boundary line of fortifications and introduction to Siberia regular army units. It introduces a detailed study of the movement of military forces to the region and their redeployment to the south of Western Siberia. This process is presented in the context of the actions of the Russian administration aimed at building a single line of fortifications in Siberia. These events were largely related to the complication of the geopolitical situation on the Dzungar-Russian state border in connection with the development of mining and metallurgical industry in the Altai. The article examines the contribution to the formation of the border fortifications in Western Siberia by the Governor of Orenburg krai Ivan Neptyuev, Governor of Siberia Alexander Sukharev and the first commander of the Siberian Corps general H. Kindermann. On the basis of materials of central and regional archives the author covers the issues of mapping of the planned and actually built fortifications on the Irtysh line; the article states the number of weapons in the outposts and fortresses in the middle of 1740s.

For citation: Kontev A. V. Formirovanie vooruzhennykh sil na Irtyshskoi pogranichnoi linii v seredine 1740-kh gg. [Formation of military forces on the Irtysh boundary line in the middle 1740s]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of Kemerovo State University*, 2016; (4): 51 – 56. DOI: 10.21603/2078-8975-2016-4-51-56.

References

1. Andrievich V. K. *Istoricheskii ocherk Sibiri po dannym, predstavliaemym Polnym sobraniiem zakonov. T. 3: Elizavetinskii period 1742 – 1762 goda* [Historical sketch of Siberia according to the data, presented by the Complete collection of laws. Vol. 3: The Elizabethan period 1742 – 1762]. Ed. Andrievich V. K. Tomsk, 1887, 352.
2. *Arkhiv Sankt-Peterburgskogo Instituta istorii RAN* [Scientific and Historical archive of Saint-Petersburg Institute of History of the Academy of Sciences]. Collection 115, List 1, File 1136.
3. *Gosudarstvennyi arkhiv Altaiskogo kraia (GAAK)* [The State Archive of Altai Region]. Found 1, List 1, File 10.
4. *Gosudarstvennyi arkhiv Altaiskogo kraia* [The State Archive of Altai Region]. Found 1, List 1, File 12.
5. Dmitriev A. V. Inostrannye ofitseri na sluzhbe v polevykh i garnizonykh voiskakh na territorii Sibiri (seredina XVIII v.) [Foreign officers serving in field and garrison troops in Siberia (the middle of XVIII)]. *Put' v Sibir'* [The way to Siberia]. Tumen, 2009. Available at: <http://library.ikz.ru/georg-steller/aus-sibirien-2013-2009/dmitriev-a.-v.-inostrannye-oficery-na-sluzhbe-v> (accessed 29.01.2016).
6. Dmitriev A. V. K voprosu o prichinakh i obstoiatel'stvakh perebroski na rossiiskie granitsy v Zapadnoi Sibiri armeiskikh chastei v seredine XVIII v. (1744 – 1745 gg.) [To the question about the causes and circumstances of the transfer to the Russian border in the West Siberia army units in the middle of the XVIII century (1744–1745)]. *Sotsial'no-ekonomicheskie i etnokul'turnye protsessy v Verkhnem Priirtysh'e v XVII – XX vekakh: sb. materialov mezhdunar. nauch. konf.* [Socio-economic and ethno-cultural processes in the Upper Irtysh in XVII – XX centuries: Proc. Intern. Sc. Conf.]. Novosibirsk, 2011.
7. Dmitriev A. V. Reguliarnye polki russkoi armii v Sibiri po vtoroi chetverti XVIII veka: dislokatsiia, komplektovanie i lichnyi sostav [Regular regiments of the Russian army in Siberia for the second quarter of the XVIII century: the deployment, recruitment and personnel]. *Voенно-istoricheskii zhurnal = Military History Journal*, no. 6 (2012). Available at: <http://history.milportal.ru/2012/07/regulyarnye-polki-v-sibiri> (accessed 29.01.2016).
8. Dmitriev A. V. Dragunskie polki russkoi armii na sluzhbe v Sibiri v seredine XVIII veka (1740-e gody) [Dragoon regiments of the Russian army for service in Siberia in the middle of XVIII century (1740s)]. *Istoricheskii ezhegodnik. 2009* [Historical Yearbooks. 2009]. Novosibirsk, 2009, 216 – 229.
9. *Istoriia Kazakhstana i Rossii v dokumentakh: Priirtysh'e i Priob'e v XVIII – nachale XX v.* [History of Kazakhstan and Russia in the documents: Irtysh and Ob in XVIII – the beginning of the XX]. Ed. Shcheglova T. K., Kontev A. V., Oteпова G. E.. Barnaul; Pavlodar, 2013.
10. Kurukin I. V. *Persidskii pokhod Petra Velikogo. Nizovoi korpus na beregakh Kaspiia (1722 – 1735)* [Persian campaign of Peter the Great. The local corps on coast of the Caspian Sea (1722 – 1735)]. Moscow, 2010, 384, 16.
11. *Materialy dlia istorii Sibiri* [Materials for history of Siberia]. Comp. Potanin G. N. *Chteniia v imperatorskom Obshchestve istorii i drevnostei rossiiskikh pri Moskovskom universitete* [Lectures at the Imperial Society of History and Antiquities of Russian in Moscow University]. Book 4, part II: domestic materials. Moscow, 1866.
12. Nedbai Iu. G. *Istoriia kazachestva Zapadnoi Sibiri 1582 – 1808 gg.: kratkie ocherki* [History of the Cossacks of Western Siberia 1582–1808: short essays]. Omsk, 1996, Part 4, 163.
13. Ogurtsov A. Iu. Na Kuznetskoi linii [On the Kuznetsk line]. *Kuznetskaia starina = Kuznetsk antiquity*, no. 9 (2007), Novokuznetsk.
14. *Opis' vysochaishim ukazam i poveleniiam, khраниashchimsia v Sankt-Peterburgskom senatskom arkhive, za XVIII vek* [The list of the royal decrees and commands which are stored in the St. Petersburg senatorial archive, for the XVIII]. Comp. P. Baranov. Saint-Petersburg, 1878: XXXI, vol. 3 (1740 – 1762), 513, 4.
15. *Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii* [Complete Collection of the Laws of the Russian Empire]. 1-st coll. Saint-Petersburg, 1830, vol. 12 (1744 – 1748), 960.
16. *Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii* [Complete Collection of the Laws of the Russian Empire]. 1-st coll. Saint-Petersburg, 1830, vol. 17 (1765 – 1766), 1135.
17. *Prostranstvo Severnogo Kazakhstana i Sibiri v istoricheskoi retrospektive XVIII v. (po dokumental'nym publikatsiiam G. N. Potanina)* [Space of Northern Kazakhstan and Siberia in a historical retrospective of the XVIII (according to documentary publications of G. N. Potanin)]. Tomsk, 2013. Available at: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/M.Asien/XVIII/1740-1760/Potanin_G_N/index.htm (accessed 29.01.2016).
18. *Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv drevnikh aktov (RGADA)* [Russian State Archive of Ancient Acts]. Found 24, List 1, File 29.
19. *Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv drevnikh aktov* [Russian State Archive of Ancient Acts]. Found 248, List 113, File 1584.
20. *Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv drevnikh aktov* [Russian State Archive of Ancient Acts]. Found 248, List 113, File 1607.
21. *Rossiiskii gosudarstvennyi voенно-istoricheskii arkhiv (RGVIA)* [Russian State Military History Archive]. Found 20, List 1/47, File 479.
22. *Rossiiskii gosudarstvennyi voенно-istoricheskii arkhiv* [Russian State Military History Archive]. Found 420, List 1, File 4.
23. *Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv (RGIA)* [The Russian State Historical Archives]. Found 468, List 18, File 8.
24. *Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv* [The Russian State Historical Archives]. Found 468, List 18, File 14.
25. *Senatskii arkhiv* [Archive of the Governing Senate]. Saint-Petersburg, 1892, Vol. 5, 681, 48.
26. *Senatskii arkhiv* [Archive of the Governing Senate]. Saint-Petersburg, 1893, Vol. 6, 802, 38.
27. *Senatskii arkhiv* [Archive of the Governing Senate]. Saint-Petersburg, 1897, Vol. 8, 746, 32.